

193
193

Нина Курьшева

*О себе, о любви
и не только...*

*Эту книгу я посвящаю своим дорогим
родителям, Александре Арсентьевне
и Даниилу Васильевичу Блохиным*

Нина Курышева (Рогозина)

*Актриса, первый диктор Саратовского телевидения,
диктор радио*

ОБ

85.33
К93

Курышева Н.Д.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

О себе, о любви, и не только...

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗ 27 - 1 ✓

МУК Балаковская Районная
центральная библиотека

Саратов
2010

ISBN 978-5-93956-015-3

**«НЕ УХОДИТЕ ИЗ ЖИЗНИ,
НЕ ОСТАВИВ ВОСПОМИНАНИЙ ТОМУ,
ЧЕМУ ВЫ БЫЛИ СВИДЕТЕЛЯМИ»**

(А. И. СОЛЖЕНИЦЫН)

Это высказывание Александра Исаевича Солженицына я выписала себе в тетрадь, глубоко задумавшись тогда над этими словами. Они запали мне в душу. С тех пор прошло немало лет. Мною пройден длинный далеко не легкий жизненный путь. Недаром человеческая жизнь сравнивается с бурлящим, никогда непредсказуемым океаном. Много пришлось пережить, повидать и прочувствовать. Хорошему и плохому была я свидетелем. Порой такие непредвиденные, трудно преодолимые «айсберги» преподносила мне судьба! И не только мне, моим близким, но и людям, жившим рядом. Но писать мемуары, книгу воспоминаний не помышляла. Хотя некоторый опыт в журналистике был. Работала в газете, в многотиражке, публиковалась в солидном и популярном литературном журнале «Волга», где исторически обобщила хранящиеся в личном архиве письма отца к маме с фронта I-й мировой войны, с Туркестанского фронта, датированные 1914—1921 годами. Материал получился интересный. Оценка редакции и читателей была положительной. Затем вышел в 1983 году в Приволжском книжном издательстве последний сборник из серии «Люди и годы», где третья часть этой книги также была отдана моему очерку, связанному с I-й мировой войной.

35 лет я проработала диктором Саратовского комитета по телевидению и радиовещанию. Мне посчастливилось открывать работу нашей студии телевидения в 1957 году, став ее первым диктором.

Выйдя на пенсию, имея театральное образование, стала преподавать технику речи, искусство и мастерство ведущего молодым журналистам радио и телевидения, студентам. Часто занятия заканчивались тем, что я делилась с ними некоторыми воспоминаниями из своей творческой и личной жизни. Рассказывала об истоках Саратовского телевидения, как все это начиналось, о встречах с интересными людьми, талантливейшими, замечательными артистами наших театров, с которыми довелось мне общаться и работать. Занятия проводила и у себя дома, среди моих учеников были и дети.

Мои юные ученицы-журналистки задавали мне один и тот же вопрос: «Ну почему вы не пишете книгу воспоминаний, вы

так интересно рассказываете! Вы же прожили такую интересную жизнь — много повидали, прочувствовали, общались с интересными людьми. Вам есть что сказать... Пишите, пишите!..» А время шло. И не в мою пользу. Я понимала, что это очень нелегкий труд и для души — пройтись снова по собственной жизни во всех ее деталях и ипостасях, все снова пережить и перечувствовать... Хватит ли сил? Тем более, человек я эмоциональный, впечатлительный, экспансивный и... легко ранимый. Не поздно ли за это браться?

Но однажды, придя на урок, одна из моих учениц принесла диктофон, чтобы я могла записывать на пленку свои мысли, вдруг нахлынувшие воспоминания, положила на стол пачку писчей бумаги, раздобыла ленту для моей старой машинки, прихватила и копировальную бумагу, и сказала: «Все, Нина Даниловна, пишите, дорогая, вы только начните. Вы творческий человек, и вы сами поймете, что это та работа, (делая крепкое ударение на «та»), которую вы должны делать в первую очередь».

И вот, ничего не придумывая, ничего не приукрашивая, как все было, как складывалась жизнь в тесной зависимости от истории моей страны, моего народа, как было определено мне судьбой, так ее я и описала...

Н. Д. Курышева (Рогозина)

ЧАСТЬ 1

«О СЕБЕ, О ЛЮБВИ, И НЕ ТОЛЬКО...»

*«Помню, как сейчас, наш десятый
класс закружила вьюга фронтовая...»*

(Ю. Друнина)

Вот и лето пришло. Жаркое лето 1941 года. Сдан последний экзамен. Я окончила 10-й класс 16-й средней школы г. Саратова. 21-го июня выпускной бал. Мне 17 лет. Мама сшила из белого льняного полотна новое платье с вышивкой крестиком, по украинским мотивам. Косы свои, густющие и длиннющие, я уложила венцом вокруг головы, короной. Щеки горят румянцем. (Солидные знакомые тети всегда старались мне потереть их платком — не накрасилась ли я. Смешно! А от этого они пуше алели.) Косметикой мы тогда не пользовались. Верчусь перед зеркалом. Довольна всем. Иду на бал. Скромно в то время были одеты наши девочки и ребята, но все они были так красивы, веселы, одухотворены надеждой на прекрасное будущее. Выбраны профессии. Лучшие наши парни-отличники мечтали связать свою судьбу с морем — поступить в высшие военно-морские училища в Ленинграде, другие — с небом, быть летчиками. Девочки хотели стать, в основном, врачами. Я же мечтала о театре. Это было мое призвание. Только сцена! Только она!

С детства сцена была для меня как бы привычной средой обитания. В прекрасном здании клуба управления НКВД (в настоящее время на том месте — Саратовская филармония), я посещала хореографический кружок. Вела его солистка нашего театра оперы и балета Лидия Аркадьевна Шелогурова. Мы овладевали классикой балета, танцевали в концертах танцы народов мира, и параллельно я училась в музыкальной школе тогда при Саратовской консерватории, где часто проходили наши отчетные концерты на сценах малого и большого залов консерватории. Когда же при клубе открылась школа бальных танцев, ну как я могла и туда не пойти? Танго, фокстрот, вальс, вальс-бостон... Грациозность движений, точный ритм, симпатичный партнер, мелодичная, красивая музыка... Забываешь обо всем... Вообще, что касалось искусства, меня интересовало все.

В школе я подружилась с девочкой, которая от Бога была художницей. Звали ее Наташа Попова. Она рисовала и карандашом, и акварелью, и очень много маслом. Ее картина

на холсте «Княжна Тараканова» скопирована так точно, бархат бордового цвета платья княжны, складки на нем так исполнены, что хотелось всегда рукой дотронуться, погладить. Какое мастерство! Редчайшее дарование. Мы с Наташей часто ходили в драматический театр им. К. Маркса (она жила рядом с театром). И придя к ней домой, мы тут же начинали рисовать героинь увиденного нами спектакля. Рисовала я самозабвенно, но мои рисунки, конечно, очень далеки были от Наташиных. Где она, эта гениальная красивая девочка? Как сложилась ее судьба — не знаю. **ВЕДЬ ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА.** А пока мы отгуляли, оттанцевали свой последний школьный бал — 21-го июня 1941 года. Закончили его прогулкой по ночному Саратову и набережной Волги, которая в то время представляла собой просто песчаный берег с дебаркадерами, пристанями, множеством привязанных лодчонок вдоль берега, и даже цыганскими шатрами. Мы любили наш город, наши скверы, переулочки, улицы, на которых выросли, по которым ходили в школу, катались на коньках и санках, (автомобили даже на центральных улицах были редки), играли в снежки, со смехом валили друг друга в снежный сугроб, переливающийся блестками снежинок от мороза.

* * *

Наш 10-й «А» считался классом интеллектуалов. Среди нас были художники, певцы, поэты, артисты, музыканты, физики, астрономы, но мы еще все-таки оставались большими детьми. А детям свойственно шалить, а иногда и просто хулиганить. Почему-то неладили мы с 10-м «Б». Классы наши были рядом. Иногда возникали и «баталии», хотя, в общем, все происходило в шутливой форме. Вот такую стычку с 10-м «Б» описал наш классный поэт, переделав известную песенку Утесова «Все хорошо, прекрасная маркиза». Начало я уже не помню, но дальше было так:

«... Десятый «А» издал приказ,
Что будет драться глаз на глаз.
Десятый «Б» не захотел,
Но «А» уже начал обстрел.
Летели стулья тут и там,
Десятый «Б» подняли гам,
В класс математик залетел,
Но стул по лысине огрел...
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо!»

Ну как не вспомнить наших учителей, которые нас «образовывали»! Многих из них мы просто обожали. Половина наших педагогов были немецкой национальности. Особенно любили учителя математики, (не того, что в песне фигурирует), Николая Богдановича Бауэра. Уже пожилой человек, высокий, худощавый, а в глазах всегда горел какой-то удивительно теплый, юморной, смешливый огонек. Как-то с особым снисхождением он относился к нашему, порой взрывному, подростковому возрасту. Мог нас пожурить, но никогда не повышал голоса. Но и похвалить так: «Ах, Нателла (это Наташу Блохину, нашу певицу — вторую Изабеллу Юрьеву, какой голос!), сегодня вы прекрасны». Он обращался к нам всегда на «вы». Светлая память вам, Николай Богданович. Во время войны, когда германские войска подходили к Сталинграду, наши учителя-немцы, да и все жители Республики немцев Поволжья, входившей тогда в состав Саратовской области, были переселены за Урал в течение нескольких дней. Мы с болью в сердце провожали наших педагогов. Толком тогда не понимали — за что все это? Вещи, мебель, всю хозяйственную утварь бросали или отдавали соседям. Ценные вещи, пианино оставляли в семьях наших учеников. Было больно смотреть на все это. Мы плакали. В Саратов они больше не вернулись.

Любили мы и «старушку» нашу — педагога по русскому языку и литературе Евгению Ивановну Хворову. Грамотными, любящими книги, литературу она нас выпустила. Спасибо ей.

Но вот про учителя по черчению Лопухина (имени и отчества его не помню и помнить не хочу), по прозвищу «Козел» (он носил длинную, узкую бороду) ничего хорошего сказать не могу. Вопиющую несправедливость я испытала. (Господи, если бы она была первая и последняя в жизни — увы!) Я так любила черчение. Дома, ночами сидела с готовальней, выдумывала, фантазировала, крутила циркулем, чертила тушью различные красивые орнаменты, каждый раз разные. Он показывал всему классу, забирал их на школьную и областную выставки творчества, а потом оставлял себе для работы, как я теперь понимаю, потому что мне их он никогда не возвращал. На последнем уроке я расслабилась и громко разговаривала. Учитель мне сделал замечание, а на следующий день выставляли оценки в аттестат. И он мне в аттестат вкатил «посредственно» по черчению. На уроке мы были бойкие, но отстаивать свое достоинство и честь не научились. Слишком стеснительная и застенчивая я оказалась. Хорошо, что мне не пришлось поступать на архитектурный факультет, который прочили мне учителя, видя мои орнаменты на выставке.

Позже, на одной из встреч выпускников нашего класса, бес-
сменная классная руководительница, педагог по истории,
Надежда Алексеевна Тарасова, узнав об этом, в сердцах сказа-
ла мне: «Нина, ну почему ты промолчала тогда, ну как ты могла
не сказать мне, завучу, директору школы?» Ну вот такая была
Нина. Постоять за себя, за свою правду стеснялась. Душевная
боль, нанесенная мне несправедливостью, и возникшая
ненависть к преподавателю, осталась у меня на всю жизнь.
И с этим я ничего не могу поделать, хотя все это уже далекое
прошлое.

* * *

...Рассвет. Мы возвращаемся с набережной. Уже совсем
светло. Наступил следующий день. Утро 22-го июня 1941 года.
Нас провожают ребята. Смеемся, поем, пританцовываем. Ната-
ша Блохина, моя лучшая подруга и однофамилица, запела
своим сильным и удивительно красивым голосом:

Как часто мы, того не замечая,
Стремимся в даль за призрачной мечтой.
Вчерашний день нам кажется случайным,
А счастье принесет совсем, совсем другой...

Как не хотелось расставаться, но пришлось расходиться по
домам. Счастливая, гордая, что я уже взрослая, с мечтами
о светлом завтрашнем дне, (хотя он уже наступил). С чего
начать этот день? Под глубоким впечатлением нашего прощаль-
ного вечера, на котором самый красивый, самый умный
и самый элегантный парень нашего класса Валя Кобылин,
который мечтал быть моряком, мне, во время танца, глядя
своими блестящими черными глазами, как-то смущенно улы-
баясь своей удивительно белозубой улыбкой, сказал: «Нин, а ты
красивая». Интонация его голоса до сих пор звучит у меня
в ушах. Ну разве можно было заснуть?! Мечталось, грезилось...
А жизнь решила иначе: наши мальчики, разъехавшись по воен-
ным училищам, надев форму летчиков и военных моряков, ока-
зались на переднем крае горнила войны.

...Не вернулись наши мальчики. Защищая Ленинград, буду-
чи курсантом Высшего военно-морского училища, погиб и наш
красавец и умница Валя Кобылин. Я представляю, как же шла
ему форма морского офицера...

На встречах выпускников нашего класса через 20, через 30,
через 40 лет, которые мы обычно отмечали в ресторане
«Волна», с огромной грустью говорю, что собирались, съезжа-

лись из разных городов только одни девочки, и только два уцелевших после тяжелых ранений одноклассника. Два. Светлая память нашим мальчикам, еще даже не испытавшим чувства любви, отдавшим свои молодые жизни за наше с вами счастье жить и любить в своей стране.

А теперь, когда я пишу эти строки, нет в живых и ни одной девочки. Нет никого. Осталась я одна. Мой долг — рассказать о них, о своем поколении.

...А пока я думала только о хорошем, душа и мысли были полны восторга от всего прошедшего в этот чудесный, сказочный для нас вечер. Сон все же меня одолел, я крепко и безмятежно уснула, как в детстве.

Проснулась от резкого толчка в спину. Это мой младший брат Володя будил меня. Глаза полны тревоги:

— Нинка, вставай. Война!

— Какая война? Ты что, с ума сошел? — разбурчалась я и повернулась на другой бок.

— Да вставай ты! Молотов сейчас будет выступать по радио. Германия на нас напала, — продолжал тормошить меня брат.

— А сколько времени? — спросила я, еще мало чего соображая. — Какая война? Откуда?

— Уже скоро час дня, — строго, как бы с упреком сказал брат.

Заплакала наша мамуля. Она пережила сполна I-ю мировую войну. Отец «от звонка до звонка», четыре года провоевал.

Прослушали по приемнику выступление Молотова. — «Враг будет разбит, победа будет за нами». Всем стало понятно — это **НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА**.

Что делать? Какая теперь учеба, какой театр?

Я, Наташа Блохина, Аня Хаит (наш комсорг класса) пошли в обком комсомола. Они ушли добровольцами на фронт, меня (дома больная мама после инсульта и гибели отца, брат-школьник) направили на работу в органы НКВД. Начиналась по-настоящему взрослая жизнь.

Мне было присвоено звание «сержант милиции».

Вскоре, после переселения саратовских немцев за Урал из Заволжья, пришлось по работе выехать туда, где они проживали не одно столетие. Я увидела селения из аккуратных добротных домов, чистоту и порядок на приусадебных участках, ухоженная, откормленная осиротевшая скотина паслась всюду. И все это было брошено в течение нескольких дней. Трудно было мне, 18-летней девушке, вчерашней школьнице, разобраться в происходящем.

Я еще раз погоревала за своих любимых учителей немецкой национальности.

Германские войска стремительно продвигались на восток. Саратов на военном положении. Введена тщательная светомаскировка. Все радиоприемники, находившиеся у населения, в том числе и наши, сданы на хранение на склад музея им. Радищева. Введена карточная система распределения хлеба и основных продуктов питания. Электричество выключалось, в домах по вечерам горели керосиновые лампы и «коптюшки» — фитиль из ваты, опущенный в подсолнечное или машинное масло. Помимо официально обозначенных бомбоубежищ, их рыли прямо во дворах. В нашем доме, по ул. Дзержинского 39, где я жила, было вырыто такое бомбоубежище. Немцы рвались к Сталинграду и были совсем недалеко от Балашова. «От Советского Информбюро. Наши войска...», — с тревогой и напряжением вслушивались мы в голос великого, непревзойденного диктора Юрия Борисовича Левитана. (Через много лет судьба подарит мне такой шанс — встречу с ним, быть его ученицей, а впоследствии — коллегой).

Город наполнялся беженцами, эвакуированными. Наша небольшая трехкомнатная квартира превратилась в перевалочный пункт. В моей комнате жила молодая женщина, эвакуированная из Киева, Рая Кириченко. Вскоре в доме появились знакомые родителей, бежавшие из Воронежа. Когда над Саратовом появлялись немецкие самолеты, начинали трещать наши зенитки, установленные в разных концах города, 12-тилетний мальчик из этой воронежской семьи вставал к окну, устремлял взгляд в небо, скрестив руки, усердно молился, стонал, весь дрожал и начинал плакать. Их сильно бомбили на открытой дороге, когда они уходили из Воронежа. Мы же, и вся наша дворовая ребятня, лезли на крышу. Там стояли приготовленные ведра с водой. Если будут сброшены зажигательные бомбы, то мы сумеем предотвратить пожар. А пока с интересом наблюдали, как скрещиваются огромные лучи прожекторов и в них засекаются блестящие, как мотыльки, фашистские самолеты. В центр города не попало ни одной бомбы, (немцы уже сэкономили бомбоснаряды). Но был разрушен авиационный завод (мы его раньше называли «Комбайн»), горели Улеша, поселок Князевка, завод «Крекинг», близлежащие хранилища с горючим. С особым остервенением фашисты бомбили железнодорожный мост через Волгу. Но ни одна бомба в него не попала. Нас, находящихся на службе в органах НКВД, без отрыва от основной работы направили на учебу в Саратовский мединститут на краткосрочные курсы по подготовке военных санинструкторов. В основном, нажимали на фармакологию (т. е. изучение рецептуры лекарств) и хирургию — оказать

первую помощь раненым. Занятия проходили в холодных неотапливаемых корпусах. Вода в пробирках замерзала. По хирургии занятия шли в анатомичках и в здании судмедэкспертизы. Там проходило вскрытие трупов, которые свозились с вокзалов, с дорог, умерших в поездах. Нам показывали и рассказывали, какой больной орган или ранение послужило причиной смерти данного человека. Запах и все это зрелище, я вам скажу, не для слабонервных, и тем не менее так хотелось есть, даже в это время. Тот хлеб, который я получала по карточкам на работе, я тут же его съедала, посыпав солью и прихлебывая кипятком. Как же было это вкусно!

Однажды, не успев поесть, мы с девчонками прихватили по куску хлеба с собой, а тут еще, накануне нам по карточкам выдали на месяц кусок колбасы вместо мяса. Мы взяли все это с собой на занятие. И прямо здесь, в анатомичке, при вскрытии трупа (а я помню, он лежал на столе — человек умер от заворота кишок, как пояснил нам врач), отвернувшись от основной группы, с удовольствием уплетали хлеб с колбасой...

Шли тяжелые кровопролитные бои уже в Сталинграде. Мы успешно сдали экзамены и получили звание санинструкторов. Шел 1942 год... Это был единственный год, когда в мединститут зачисляли на учебу без экзаменов. Мне было предложено стать в число студентов этого вуза. На что я сказала тогда: «Если не стану артисткой, буду врачом».

Саратов стал прифронтовым городом. Большинство школ и зданий вузов отведены под госпитали. Эшелоны с ранеными бойцами (их называли ранбольными) непрерывно поступали в наш город. Нас прикрепили к госпиталю, которые были переполнены. В коридорах стояли койки с ранеными. Мое, можно сказать, боевое крещение, произошло в госпитале, который находился в сельскохозяйственном институте на Радищевской улице. Прямо с передовой, с наспех наложенной на поле боя на рану повязкой, раненые поступали к нам в предварительную перевязочную. И вот внесли молодого солдата с окровавленной повязкой на лице и шее.

Он не мог говорить, лицо и шея — все завязано. Я стою и стою рядом пожилая медсестра. Она решила, что мне тут как бы и делать нечего. Быстро подошла к раненному бойцу, уже приготовилась снимать с него фронттовую повязку. Он как замычит, глаза его огромные устремились на меня — видимо, в моих глазах и на лице было такое сострадание, такая боль за этого человека, что он, протянув руку в мою сторону, дал понять, чтобы его перевязала я, что я буду более осторожна и не усугублю его страданий. Подошла и не торопясь стала

снимать окровавленную повязку. Она не поддавалась, бинты слиплись. Я реванолом стала отмачивать. От увиденного я ужаснулась, но вида не подала. Ранение было очень серьезное. Половина лица и шеи зияло сплошной раной. Подошла старшая медсестра, и мы вдвоем наложили свежую повязку. Он пожал мне руку. Его увезли прямо в операционную. Больше я его не видела.

У меня был еще один подшефный госпиталь. Находился он в здании Облсофпрофа, на улице Сакко и Ванцетти. Моя палата размещалась в актовом зале. Там было около ста коек. Раненые находились уже после операций, на излечении. В углу стоял рояль. Я играла им все наши песни, вальсы Штрауса. Сестра моя Мила пела для них арии из оперетт, песни советских композиторов, итальянские песни. Голос у нее просто необыкновенный, красивый, от природы поставленный, редчайшего тембра. Слушали они наши концерты с большим удовольствием. Музыка способствовала выздоровлению раненных бойцов. Так проходили наши рабочие военные будни.

Как-то вечером пришли домой, а у нас гости, два наших подопечных бойца, два Ванечки. «Вот пришли попрощаться. Уезжаем опять на фронт. Добивать фашистскую вражину», — сказали они. Веселые, улыбаются. Вынули из вещмешка банку тушенки, несколько кусочков сахара, мама сварила картошки, вскипятила чай — все вместе поужинали на славу. Посидели, попрощались. Господи, когда же кончится эта проклятая война! Возвращайтесь живыми.

Вскоре нам вселили в квартиру еще двух постояльцев — польских евреев, бежавших из Львова. Разрешения нашего никто не спрашивал. Хотя знали, что у нас уже живет семья из Воронежа, беженка из Киева. Какие-то люди принесли солому, бросили в столовой, на нее положили тюфяки. Эти двое сразу легли и уснули. Ну, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Потихонечку стали привыкать к такому образу жизни.

Вечером, сидя за столом при коптюшке, киевлянка все допытывалась у мамы: «Муличка (так она обращалась к маме, как и мы, дети, после просмотра кинофильма «Подкидыш» с неповторимой Фаиной Раневской — помните? «Муля, не нервируй меня!»), ну и где вы ее такую сробыли? Чи в поезде, чи на пароходе? (Это обо мне). Точена, як Вэнэра». Мама с присущей ей шутливостью, ответила: «В арыке, Раечка, мы ее нашли. В арыке. В Средней Азии. Знаешь, что это за арык? Канава с водой. Вот там мы и нашли нашу дочку». Все улыбнулись, и на душе стало полегче. А жившие у нас польские евреи сказали маме: «Ниночке только надо жить во Франции».

Я же не обращала никакого внимания на эту болтовню. Но природа действительно брала свое... Мне исполнилось 18 лет. Я расцветала. Невзирая на жуткую нужду, голод, холод. Квартира не отапливалась, электричества не было, зажигали фитилек на масле и ... да будет свет. В маминной спальне стояла «буржуйка» — железная печка-временка. Сожгли уже все, что можно: красивую старинную мягкую мебель, даже книги отца. Спасали больную маму. Я же, приученная с детства к холодному душу в любое время года, к лыжам и конькам, легкой одежде, особо от холода не страдала. Хотя зима 41—42 годов была лютая. Окна в квартире с внутренней стороны все были промерзшие, покрыты снегом. Вода, оставленная на окне, замерзала. Но я, вставая утром с постели, пока не заплету свои косы, не приведу себя в порядок, даже не одевалась. От меня пар шел. А когда видела, что наши постояльцы падают духом, а воронежский паренек, уткнув голову в колени, потихоньку плачет («Болящий дух вращует песнопение», — сказал мудрец, а я б еще добавила: ничто так не придаст силы пройти через самые трудные испытания в жизни, как музыка), садилась за рояль и начинала играть и петь:

«Дождливым вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, скажем прямо, делать нечего,
Мы приземлимся за столом, поговорим о том, о сем
И нашу песенку веселую споем...»

Или: «Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой...»

Все понемногу оттаивали, а то и сами начинали потихонечку «мурлыкать».

Здесь точно сказались черты характера моего отца. Мне хочется привести цитату из его письма с Туркестанского фронта к маме:

1921 г. Описывая тяжелейшее положение с бытом, питанием — грязь, мухи, постоянное чувство голода «жалование не выдают за отсутствием денег, да и что можно купить на эти гроши. Хорошо сделал, что пока не взял тебя, пропала бы с голодухи... Но, повторяю, что мое настроение превосходное. Я всегда веселый, и часто стараюсь поддерживать тех, кто вешает носы. Я начинаю славиться по всему гарнизону. Бываю у товарищей разных боевых частей и играю на гармошке. В общем, игра дает немало радости для всех страждущих сердец. Подчас некоторым становится невозможно тяжело, и я со своей музыкой, и вдобавок своими юмористическими рассказами, заставляю хохотать до упада... Нередко устраиваю спектакли: создание труппы артистов, декорации...»

Вот откуда все это и у меня.

За всю войну я ни разу не заболела. Даже насморком. Хотя в раннем детстве была хлипким ребенком. Чуть что, болело горло.

При отце, до войны, в доме у нас много лет жила домработница Наташа. Она была у нас как член семьи. Мама тяжело страдала декомпенсированным пороком сердца — сказались отголоски первой мировой войны. Она служила санитаркой в военных лазаретах и госпиталях, перенесла тиф, потом служба с отцом на Туркестанском фронте, где суждено было родиться и мне. Прекраснейший кинофильм «Офицеры» — это точно про нас. Только там родился мальчик Георгий, а тут девочка Нина. Те же события, та же местность, то же время...

Так вот Наташа никогда, ни разу не назвала меня по имени, а просто «Принцесса». Сестру мою Милу звала «Мелодия». Такая была выдумщица.

Как-то приходит из магазина и уже на кухне кричит: «Принцесса, я купила новые консервы, которыми заставили все полки магазина. Крабы называются. Даже в газете написано: "Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы"».

«Ну открой», — сказала я. Открыла. Я понюхала: «Фу, какая гадость». И никто из домашних есть их так и не стал. Дали собаке Жулику — и та отвернулась.

Вот так мы в ту пору продегустировали этот деликатес. Как мы эти крабы вспоминали в годы войны! А больше в открытую продажу их не поступало. Видимо, сообразили и стали отправлять на экспорт.

Культурная жизнь в городе, несмотря на войну, шла своим чередом. Работали кинотеатры, театры драмы, оперы. В театре им. К. Маркса и ТЮЗе давал спектакли эвакуированный в наш город Московский художественный академический театр. Жили актеры в гостинице «Европа», что на улице Горького. Наша бывшая домработница Наташа обслуживала их. Поэтому у меня была возможность посмотреть все спектакли МХАТа, привезенные в наш город: «Анну Каренину» с великой Тарасовой, Масальским, «Школу злословия» с очаровательной Андровской и Яншиным, «На дне» с могучим Ершовым в роли Сатина, и многие другие. Конечно, этот театр — академия. Актеры — что не имя, то глыба. А Анастасия Зуева, когда уезжал театр, на память мне подарила бусы из горного хрусталя.

Здесь может последовать вопрос: Так почему же, коли так любила театр, мечтала стать актрисой, и судьба свела так близко с великими мастерами, почему ты даже словом не обмолви-

лась о своей мечте? И дальше. Когда мне исполнилось 20 лет, наш драматический театр им. К. Маркса объявил прием талантливой молодежи в драматическую студию при театре. Да, сердце мое рвануло туда. Хотя бы посмотреть, кто эти счастливики, которые будут учиться в этом храме.

Я стояла и с интересом разглядывала их. Мимо меня прошел народный артист республики Павел Александрович Карганов. Он набирал курс. Подошел ко мне, спросил: «Вы поступаете?» Я сказала: «Нет». «Вы хотите быть актрисой?» — спросил он. «Очень хочу», — сказала я. «Приходите обязательно. Я вас возьму», — сказал он. И все.

Я спустилась с небес на землю. Никуда я не пошла. Пришла домой, разревелась. Никому ничего не сказала. Как я могла идти учиться? На что жить? У меня на руках больная мама и брат. Что мы будем есть? Мы и так живем впроголодь. Я всегда старалась скрывать это.

Красивая, стройная, румяная, цветущая девушка, всегда со вкусом одетая в перешитое из маминых добротных платьев. Да кто поверит? И не надо. Гордость, достоинство — это превыше всего. Так воспитывал нас отец. Один из лучших отцов в мире. Но о нем, и многом другом — дальше. А пока...

Манил к себе теплый, уютный клуб НКВД, где работали кружки по интересам, демонстрировались новые кинофильмы, устраивались танцевальные вечера. То же самое было и в Саратовском Доме офицеров. Мы были молоды, работали много, без усталости. Нужно идти в госпиталь — шли в госпиталь. Нужно рыть окопы — ехали на окопы. Сельхозработы — и туда посылали. Естественно, нам хотелось развлечься, повеселиться, да и просто отдохнуть. Вот мы и бегали в свободные вечера в клуб и ДКА на танцы. Внезапно объявлялась воздушная тревога, вражьи самолеты прорывались к Саратову. Начинали бить зенитки, и где-то совсем близко сыпались и стучали осколки от снарядов. Мы разбежались по домам. Поскольку бои шли уже в самом Сталинграде, вокруг Саратова дислоцировалось много воинских частей, как танковых, пехотных, так и летных, которые защищали наше саратовское небо. И молодым ребятам, офицерам, летчикам этих частей также очень хотелось хоть на часок оказаться в обстановке мирной жизни. Они приезжали на военных машинах в ДКА, так что в партнерах на танцах, а я бы даже сказала, и в женихах, недостатка не было. Я уже упоминала о том, что наши девушки, в большинстве своем, были скромны, застенчивы, целомудренны. Такими же были и эти ребята. Несмотря на войну, на риск погибнуть ежечасно, они очень трепетно относились к нам. После танцев мы гурьбой

шли ко мне домой. Я садилась за рояль, кто-то из ребят брал в руки гитару, пели песни, шутили, вспоминали школьные годы. Мама старалась напоить всех горячим чаем — в квартире-то было холодно и горела на столе все та же «коптюшка» — масляный фитилек. Но нам было уютно, тепло и весело.

Несколько ранее в ДКА на танцах я познакомилась с отличным парнем-летчиком Ваней Соболевским. Так вот, в тот вечер Ванечка мне сказал:

«Нинок, ты не люби меня, ты просто уважай, и я навек твой. Вот кончится война, я буду летать в гражданской авиации. Приду домой с полета, а ты скажешь: «Ну, Ванечка, куда же ты идешь прямо в унтах?» А я скажу: «Чтобы скорее обнять тебя, ведь в полете над Саратовом каждый раз машу крылом, когда пролетаю над твоим домом».

Как же они, молодые, здоровые, красивые наши защитники мечтали о мирной жизни, о домашнем уюте, о семье!.. Такое остается в памяти навсегда. Нет, замужества (ведь сразу может родиться ребенок) в войну не хотели. Так и решила для себя. Ведь я мечтала о сцене, учиться после войны, что бы мне это не стоило. Мне только 18, замужество пока не входило в мои планы. Да и разделит ли мое стремление мой будущий супруг? Так, по крайней мере, я думала в то время в свои восемнадцать. Возможно, я была не права. Скорее всего...

Вскоре была одержана великая победа под Сталинградом, и наши войска с боями стали продвигаться на запад. Покидали места дислокации под Саратовом и наши военные друзья. Эскадрилья Ванечки Соболевского в срочном порядке покинула нашу область. Приказ есть приказ. Зайти попрощаться он не имел времени. Прислал своего друга майора Володю, серьезного, старше по возрасту, имевшего уже семью. Володя попросил меня на прощанье сыграть «Полонез» Огинского. Когда я закончила, он долго молчал, потом спросил: «Что передать Ване?» — И я ничего не нашла, как сказать только: «Передай привет». Володя ушел, а мне стало не по себе. Ну как же я могла такому чистому, светлому, любящему парню-воину не написать хотя бы маленькую записочку с добрыми пожеланиями удачи, успехов, счастливой судьбы на войне, возвращения с победой! Нет, этого не произошло. Хотя, сколько я живу, столько я помню и люблю этого чистого, светлого человека. После войны, на протяжении многих лет, я пыталась узнать о судьбе летчика Ивана Соболевского. Писала в часть, в отдел кадров Министерства Обороны. О многих своих сверстниках я получила ответ, о Соболевском — ничего вразумительного мне так и не сказали. Сбит ли над территорией врага, попал ли

в плен, без вести ли пропал? По всей вероятности, не дожил он до Победы. Слишком долог был путь к ней от Саратова. Но каждый год в великий праздник Победы, в скорбную минуту молчания я со слезами на глазах поднимаю свой бокал и низко кланяюсь светлой памяти прекрасного человека, воина-победителя, летчика Ивана Соболевского.

Если уж я начала говорить о своем сугубо личном, я должна рассказать и об этом:

Будучи еще десятиклассницей, в мае месяце 1941 года, когда в школе начались выпускные экзамены, приятели моих родителей выдавали замуж свою дочь Таисию. Она только закончила юридический институт. (Впоследствии много лет, вплоть до пенсии, была судьей Ленинского района г. Саратова). Жених ее — курсант погранучилища (теперь училище МВД, что на ул. Московской) Николай Кудряшов пригласил на свадьбу своего друга — курсанта Ивана Вчерашнего. Приглашены были и мы с мамой. Надо же этому случиться, молодой человек влюбился в меня, как сказал, с первого взгляда. Я совсем далека была от всего этого, я еще ни с кем не встречалась, и вообще мне пока никто не нравился. Он, обритый наголо, далеко не красавец, не произвел на меня никакого впечатления.

У меня шли экзамены в школе, а он, будучи в это время уже в летних военных лагерях, забрасывал меня своими письмами с признанием в любви: писал, как он постигает военную и политическую науки и какой целомудренной должна быть его боевая подруга. Ну чуть ли не все тексты лекций, которые им читали. Письма его мне были глубоко безразличны, а некоторые вызывали просто какое-то отторжение. Я перестала их читать, а некоторые просто рвала. Ответа я, естественно, не писала. Он сводил это к тому, что я занята экзаменами и продолжал писать.

Когда закончились экзамены и прошел выпускной бал, началась война. Иван сообщил в письме, что их из лагеря отправляют на фронт. Перед тем как сесть в эшелон, он зашел к нам. Мама собрала ему оставшееся от отца теплое белье. Он попросил проводить его на вокзал. Мама уговорила меня это сделать. Перед последним гудком Иван хотел меня поцеловать. Но поскольку я еще ни с кем не целовалась, а он оставался мне чужим, чувств у меня к нему никаких так и не возникло, я нехотя подставила ему щеку. Он сказал, что считает себя моим женихом, будет писать, и просил, чтобы я его ждала. Мама пробовала уговорить меня: «Ниночка, ведь не парень, а красная девица. Положительный, скромный, любит тебя». Я от этих слов только свирепела: «О чем ты говоришь?! Да нет

у меня к нему ничего. Понимаешь ли ты это? Чужой он мне». Но письма с фронта пошли.

Письмо от 5 июля 1941 г. Лагерь. Тула.

«Здравствуй, моя милая, нежная, без конца любимая боевая подруга, моя дорогая сердцу Ниночка, передаю тебе привет... живи радостно, с любовью, честно трудись на благо нашей Родины, будь бдительной, ибо немецкие фашисты засылают и будут засылать шпионов, диверсантов для подрыва заводов, элеваторов, поджогов. А для того, чтобы они не напакостили в нашей цветущей Родине, мы должны быть бдительными, а при обнаружении таковых задерживать и доставлять в военные части. Фашистский хищник коварен, с ним расправа будет жестокая. Ниночка, твоя задача, находясь в тылу, вести беспощадную борьбу с людьми, которые создают панику, распространяют ложные слухи и т. д. ... Приступил к выполнению ответственной работы. Пока все идет отлично. Если мне придется участвовать в бою с озверевшим фашизмом, не забывай того, кто тебя любит нежно, пылко, т. е. меня, Ниночка, помни, что твое имя везде и всегда со мной, оно придает мне бодрость при воспоминании о тебе, родная. Этим письмом посылаю тебе фотокарточку». (Фото в форме лейтенанта. Надпись на нем:

«Ниночка, люблю тебя, как ясное милое солнышко, которое греет и от которого существует весь вселенный мир на земле. Любовь моя, прими ее от меня»).

Следующее письмо похоже на какую-то декларацию, руководство к действию:

«Ниночка, милая, В. И. Ленин большое внимание уделял вопросам любви, брака, семьи. Он писал: «Самое умное, чего достиг человек, поклоняться ее красоте, от любви к женщине родилось все прекрасное на земле. Не будешь возражать, если я изложу некоторые примеры из писем и статей В. И. Ленина. Ленин в своем письме к Инессе Арманд...»

Господи, ну зачем мне все это? Эти лекции, которыми он напичкан. Даже на фронт с собой взял. Я что, выросла в дремучем лесу? Ничего не знаю, ничего не читала? Да мы за 10 классов от таких учителей, как наши, получили прекрасное образование по тому времени, а в политике, благодаря своему отцу, я очень хорошо разбиралась. Недаром в последнем классе мой любимый предмет, который вызывал во мне интерес, был «Экономическая география капиталистических стран». Так я мыслила в свои 17 лет. Злюсь и ответа не пишу.

Лагерь. Тула. 28.7.41 г.

«Здравствуй, мой милый друг, мой нежный цветик Ниночка!

На первых строках... Ниночка, я жду и не дождусь, когда придет от тебя письмо, хотя здесь и недалеко. Я больше, чем люблю тебя, я чувствую и испытываю родство душ. (Что я могу с собой сделать, если всего этого я не испытываю). «Ты всегда стоишь перед глазами у меня, твой образ я запечатлел на всю жизнь, который, как отпечаток, стоит у меня на сетчатке глаза. Лягу, пойду, призадумаясь — он тут как тут. Я люблю, я уважаю, я дорожу тобой!... Моя родная, ненаглядная, душа моя переживает какой-то удивительный сложный и сильный по остроте переживания момент,... Милая моя, знойная любовь». Далее пошли сочиненные им стихи...

Я цитирую довольно подробно его любовные «излияния» для того, чтобы очень скоро понять, что все эти страстные фразы о любви, где-то, когда-то вычитанные в романах, на поверку не стоят и ломаного гроша.

Мама мне сказала: «Ты ходишь по госпиталям, ухаживаешь за ранеными, играешь им на рояле, пишешь письма раненым солдатам для родных. Так напиши Ване как бойцу». Я написала теплое, хорошее письмо. Видимо, я повзрослела, почти ежедневно смотря в глаза находящимся на излечении в госпитале раненных солдат.

3 апреля 1942 г.

«...Дорогая моя, от тебя получил сегодня письмо... Я был до слез расстроган, до глубины души взволнован, когда взял в руки письмо. Это она, она, нежно любимая написала эти строки письма... Мы с тобой живем одними мыслями, одними чувствами — крепко любим нашу Родину, ее народ... Враг будет разбит и уничтожен. Мы вместе трудимся: я здесь, ты там. И вместе, единым трудом громим ненавистного врага, немецкую мразь». «Не волнуйся, не кручинься, что не попала в летную школу». (У нас в Саратове проходил набор в эскадрилью Расковой, мы ходили на собеседование, но с работы нас не отпустили). «Ниночка, на запрос, который я тебе писал в письме «как питаетесь?» ответила: «Чего это тебя теперь вдруг заинтересовало?»...

Да, плохо питались, голодали. Но я никому ни разу не призналась в этом. Имели только тот мизер, что давали по карточкам. Буханка хлеба на базаре стоила 300 рублей. У многих зарплата была 400—700 руб. Нам платили чуть побольше. Я была аттестована — сержант милиции. Мы жили в жутких условиях, порой ели мерзлую картошку, грызли колоб (это отходы от переработки подсолнечника), и все, что можно проглотить. Мне безумно жалко было мою больную мамочку и брата, который по 14 часов работал на заводе тракторных деталей, стоял на ящике, чтобы достать до станка. Там делали снаряды для

фронта. А Иван дальше пишет: «Неужели ты еще не сделала вывода, что я считаю тебя женой в полном смысле этого слова и женой нежно любимой, которой все отдам».

Я же вынуждена была, чтобы как-то облегчить жизнь маме и брату, собрать так называемое свое «приданое», которое мама положила еще до войны — постельное белье, отрезки ткани, легкие одеяла, эмалированную посуду, — и поехала в Алгай — менять на пшено и муку. Выменяла на пуд пшена и полпуда муки. Какой-то добрый казах ехал на верблюде и видя, как мне тяжело нести, взвалил мою поклажу к себе и довез до станции. Вот ему я благодарна. Мама варила густую кашу из прекрасного алгайского пшена, резала на куски и заворачивала к обеду на завод брату.

Я бралась за любую работу. Много умела делать: шить, вязать, пилить и рубить дрова... Как-то связала себе крючком очень красивую кофточку из довольно толстых шелковистых ниток «Ирис» бирюзового цвета. Научила вязать меня такие кофточки молодая артистка цирка Лизочка Кукина, которая снимала у нас комнату после гибели отца. Я тогда училась в 8-м классе. И вот когда начала работать в милиции, одна из жен начальников уговорила меня связать ей кофту. «А я вам дам за работу 12 килограммов картошки», — сказала она. Соблазн был велик. Я согласилась, но не знала, что она принесет мне старый свитер тонкой вязки. Его же надо было распустить, прежде чем вязать. Но отступить было некуда. Картошку она привезла. И я взялась за эту работу. При «коптюшке», до поздней ночи я мучилась с этой громадного размера кофтой. Работа продвигалась очень медленно, нитки тонкие, я вязала крючком. Добавляла свои красивые нитки, приложила всю свою фантазию, но терпение мое лопнуло. А нужно было вязать к ней еще рукава. Я швырнула эту проклятую кофту и заплакала. Картошку мы уже давно съели.

Вышел из своей комнаты мой брат Володя.

— Ты чего плачешь? — спросил он.

— Не могу я больше. Никогда не довяжу эту проклятую кофту, — продолжала я реветь.

— Не плачь, — сказал брат. — Ты научи меня вязать, и я свяжу тебе хоть один рукав.

Он был очень смекалистым, талантливым пареньком. Имел первый разряд по шахматам. Отец привил ему любовь к этой умной игре. У нас в доме часто устраивались своего рода шахматные турниры. В них принимали участие именитые в нашем городе люди. Брат прекрасно играл на рояле, хотя никогда не ходил в музыкальную школу.

И несмотря на то, что ему рано утром надо было идти на завод к станку, мы вдвоем довязали эту злополучную кофту.

И еще. В военное время, чтобы выехать в Москву, нужны были специальные пропуска. Получить их было практически невозможно. Но поскольку мы служили в милиции (день рабочий был ненормированный, иногда приходилось работать до глубокой ночи, а очередных отпусков нам не давали), изредка мы пользовались кратковременным отпуском с выездом в Москву. Буквально на несколько дней. В Москве также было плохо с продуктами, на рынках все стоило дороже, чем у нас. Одна наша сотрудница, которая была и постарше, и попрактичнее в жизни, предложила закупить подсолнечное масло в 20-литровой канистре и продать в Москве. Естественно, на работе об этой «авантюре», об истинной цели поездки никто не догадывался. А масло саратовского завода тогда было такое душистое, такое вкусное — никакого сравнения с тем, что сейчас мы покупаем. Сели в купейный вагон, ехали с какими-то полковниками. Когда стали выходить, они решили нам помочь. «Что за тяжесть, девочки?» — удивились они. «Масло везем родным», — был ответ. Вообще, в одном из московских подъездов быстро расторговались. У меня в Москве действительно было много родственников, масло я им оставила, но сразу заехать к ним никак не решилась. Стыдно было. Деньги на поездку взаймы мне дала богатая знакомая — продавщица. Конечно это был большой риск. Но я тогда об этом не задумывалась. Главное для меня было — облегчить жизнь, купить что-нибудь съестное, накормить мою дорогую больную мамулю и брата.

Поэтому — какая жена, какая любовь?! Иван Вчерашний получал высокую зарплату, и если бы желал, то мог бы нам помочь. Но откровенно, я этого никак не хотела, не должна быть никому обязанной.

В неприглядную ситуацию-западню попала одна моя подруга. Накоротке, случайно познакомившись на вокзале с военным парнем, уезжавшим с эшелоном на фронт — он просил, она не отказала, — дала ему свой домашний адрес. Он писал ей письма, а потом, когда наши войска вели бои на территории европейских стран, в Германии, она стала получать посылки с трофейными шмотками. Радовалась, наряжалась... Парень вернулся с фронта к ней на правах жениха, и ей ничего не оставалось, как выйти за него замуж. При встрече она мне с грустью говорила о своей нелюбви к мужу, о кабале, как она выразилась, в какую она попала, связав свою жизнь с человеком, которого она по сути совсем не знала, родив от него двоих детей.

«Мы такие разные. Он совсем меня не понимает и не хочет понять. С ним не о чем поговорить. Мое увлечение искусством, музыкой считает бездельем. Что делать?» — в слезах делилась она со мной. В дальнейшем, я знаю, она стала искать утех на стороне. Сама мне говорила об этом. А в глазах такая грусть, такая обреченность...

Нет, такой судьбы я не хочу. Продаться за кусок, за тряпку — это претит моей натуре. Я еще никого не полюбила и хотела оставаться независимой и свободной, с чувством собственного достоинства.

Моя бабушка по отцу была по национальности сербка-сербиянка. Папа называл ее просто цыганкой. Я всегда задумывалась, как их род попал в Самарскую губернию? И вот совсем случайно, благодаря нашей телевизионной передаче «Не за тридевять земель», которую уже несколько десятилетий ведет на саратовском телевидении наш чудесный краевед Дмитрий Сергеевич Худяков, я узнала, что еще в XVI веке произошло массовое переселение сербов в Заволжье. И черты характера этого свободолюбивого народа — гордость, самолюбие, жизнестойкость, веселый независимый нрав, тяга к творчеству — все унаследовала я от бабушки. Таков был и мой отец. У бабушки было много детей, в живых осталось семеро. К тому времени и мой папа.

И чтобы выйти замуж нелюбя, нарожать детей, а потом все равно когда-то встретить свою любовь и уйти — а по другому и не может быть! — я этого не хотела. Не хотела никого делать несчастными, ни себя, ни своих будущих детей, ни Ивана. А поговорка «Стерпится — слюбится» — это не для меня. Поэтому никаких обещаний я ему не давала и никаких подачек от него мне не надо было. Да, я страдала, видя, как страдает моя семья, но просить помощи, а потом расплачиваться — никогда! Я писала Ивану редкие письма только как другу, как бойцу. И все. Так тогда я думала в свои 18 лет.

31 мая 1942 г.

«...Ниночка, благодарю тебя за веточку ландыша, которую ты прислала в письме. Какой чудесный милый запах! Ниночка, эта веточка напоминает г. Саратов (сам он из станицы Ростовской области — Н.К.), где я нашел подругу жизни (тебя), крепко полюбил всем сердцем, всей душой. Вспоминаю первое знакомство с тобой» (это только и было), «вспоминаю дни свиданий, вспоминаю первый поцелуй...» Это уже из мира его фантазии. Ничего этого не было. По натуре я человек правдивый и честный. Не терплю ложь. Это меня как-то насторожи-

ло. Лагерь, война, леса, такая обстановка... Может и любовь-то он себе придумал? Как же я была права!..

А письма о пылкой любви, о рыцарской чести по отношению к женщине все шли.

Прислал фотографию — уже в звании капитана. А вскоре получил звание майора. Награжден орденом Александра Невского.

«...Всегда с именем твоим шел в атаку. Бил врага пулей, штыком, прикладом, повторяя: за мою любимую, за тебя, за Родину... У меня остались только вы одни. Мамаша умерла, папаша погиб как герой в бою, сестер немцы изнасиловали и расстреляли, братьев сожгли на костре... Ниночка, неужели не достоин быть твоим мужем?..»

Сердце мое дрогнуло и я решила: если Иван вернется, выйду за него замуж. Написала ему очень теплое, хорошее письмо.

«...Читая это письмо», — пишет Иван, — я был растроган от души, храню свою любовь к тебе, как зеницу ока... Кровью защищаю Родину, которая превыше всего, за нее отдам жизнь. Ниночка, много имею слов сказать тебе, которых в письме нельзя написать. Ну ничего, разобьем гитлеровскую мразь, если жить буду, вернусь домой и все тебе расскажу. Пишу, можно сказать, в постели...» (Письмо из госпиталя: г. Балагое, Тверской области). Тут же я написала ответ с пожеланиями скорейшего выздоровления.

Жизнь наша военная протекала в обычном русле. Много работали, в свободные вечера ходили в кино, на танцы в ДКА. Я познакомилась с танкистом — ст. лейтенантом Мишей Лапшиным. Он вернулся с фронта и преподавал в танковом училище. Проводил меня до дома и оказалось, что он живет рядом, на моей улице им. Дзержинского. Снимает комнату у хозяйки. На танцы я стала ходить с ним. Наступил праздник, 23 февраля 1943 года. И день его рождения. Ему исполнилось 25 лет. Мне — 19. Отмечали день рождения у нас дома. Было очень весело. Я почти весь вечер была за роялем. Все пели, танцевали. К этому времени квартиранных и постояльцев у нас не было. Я зашла в свою комнату, зашел за мной и Миша. «Ниночка, я люблю тебя, давай поженимся». Так неожиданно. Я промолчала. Слушая его, думала: а как же Ваня? Вечер только наступал, и он предложил мне поехать к нему в училище на торжественный праздник. Я согласилась, хотя поняла, что он хочет меня представить своим друзьям как невесту. Надела пальтишко, резиновые сапожки, — в них вставлялись туфли. (Жаль, что нет музея обуви того времени, и ведь не мерзли), и мы

вышли на улицу. Но на дворе стояла такая распутица! Снега много, а температура плюсовая и кругом полно воды. Мы добрались до училища, зашли в домик его знакомой старушки, чтобы привести себя в порядок. Я сняла свои дырявые сапожки, в которых было полно воды. Ноги мокрые. Бабушка топила русскую печь, и Миша меня положил на печку. Согревшись, тут же на печке я вскоре крепко уснула. Конечно, мы никуда не пошли, а утром он привез меня домой. Его хозяйка лет сорока, у которой Миша снимал комнату, узнав, что он сделал мне предложение, прибежала к маме вся взволнованная, сказала: «Шура, да у него 100 жен!» Как потом стало известно, он жил с ней как с женщиной. При встрече с ним я тоже повторила эту фразу. Влюбиться в него я не успела, а потому решила: хорошо, что все кончилось. А то ведь Ваня должен вернуться. Миша вскоре женился и уехал учиться в Москву в академию. На ком он женился, кто его избранница — меня абсолютно не интересовало.

А что же все-таки это за чувство — ЛЮБОВЬ? И вообще, есть ли она, настоящая? И полюблю ли я когда-нибудь?

Но настоящая любовь, оказывается, есть. С годами она сильнее гложет душу. Живет в тебе всю дальнейшую твою жизнь. Фотография моя хранится у Миши как святыня. Но военному человеку развод в то время — смерти подобно, конец карьере. И выходит, живет он не любя, как бы на «чужой улице». Есть очень мудрая песня, и там такие слова:

«Представить страшно мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Другой бы улицей прошел,
Тебя не встретил, не нашел».

А тут еще обиднее — встретил и потерял. Навсегда.

Прошли годы. Окончена война. Миша Лапшин закончил академию и выехал с семьей на службу в Белорусский военный округ. В Саратов стал приезжать в отпуск и каждый раз искать встречи со мной. Но об этом по ходу моего повествования.

А пока продолжается война. На планете 1943 год... Тружусь, стою в очередях, чтобы отovarить продуктовые карточки, полно общественной работы.

У меня чудом сохранилась иждивенческая продуктовая карточка того времени, которую мамина приятельница-портниха, довольно обеспеченная женщина по тем временам, отдала нам. Но она оставалась почему-то не отоваренной — видимо, не было продуктов. Хочу привести тот мизер продуктов, на который мы должны были существовать в войну целый месяц:

Норма: мясо и рыба — 500 г.
крупы и макаронные изделия — 600 г.
жиры — 200 г.
сахар и кондитерские изделия — 200 г.
хлеб — 400 г. в день.

По рабочим карточкам — продуктов чуть побольше.

Как-то вызывает меня мой начальник. Вручает мне секретные бумаги, и просит их доставить в КГБ. Фамилия указана. Хотя у меня постоянный пропуск в здание управления НКВД, но чтобы пройти туда, нужно зайти в бюро пропусков и выписать разовый пропуск, который заказан на мое имя. Прохожу через часового. Поднимаюсь на третий этаж.

По внутренней лестнице ведут заключенного — видимо, на допрос. Молодой мужчина, лет 35-ти. Бледное, исхудалое, интеллигентное лицо. Встретились глазами, пристально всматриваясь друг в друга. Тепло души, и в то же время обреченность, прочла я в его огромных красивых глазах. Стало не по себе. Прибавила шагу и пошла искать нужную мне комнату.

Вхожу в кабинет начальника очень серьезного отдела. Фамилию называть не буду, скажу только, что он и его отдел были эвакуированы из Западной Украины. Подаю пакет. Он очень любезно предложил мне сесть. Стал пристально смотреть на меня, расспрашивать, давно ли я работаю в этой системе. Я сказала: «После школы. По путевке комсомола». «Кто мои родители?» Сказала все как есть. С кем живу? Тоже ответила. «Как вас звать?» Назвалась. «Какая красивая девочка. Вы мне очень понравились», — сказал он. Я покраснела и спросила: «Можно идти?». «Да, конечно», — сказал он. Отметил пропуск и встал из-за стола, чтобы проводить меня до двери. Я попрощалась, а он проронил мне вслед: «Я вам позвоню». Меня охватило волнение. Украинец, красив. Как я узнала потом, ему 36 лет.

На следующий день раздается звонок. Я беру трубку. Он называет себя. Говорит о своих чувствах, просит встреч. И предлагает мне сразу, как говорят, руку и сердце. Предлагает стать его женой. Прямо так, с ходу. «Я не шучу», — закончил он. Вот это думаю, да! Влипла.

По истечении этих суток солнечным погожим днем я выхожу на крыльцо нашего отдела, а он находился напротив здания КГБ. Вдруг (видит Бог, я не вру) подходит ко мне женщина его возраста и падает передо мною на колени, у всех прохожих на виду. Стала умолять меня не соглашаться на брак. Видимо, он

ей все рассказал. «Я его жена, у нас двое детей, мы здесь чужие. Оставьте его. Я прошу. Вы совсем молоденькая девочка, вы еще найдете себе... Оставьте его нам». Со мной шок. Я в ужасе! «Встаньте, встаньте. Не нужен мне ваш муж. Я его совсем не знаю». А он из окна своего кабинета наблюдал эту картину...

Я вернулась на свое рабочее место и набрала его телефон. Сказала ему: «Вы видели все. У вас прекрасная жена. Дети. Зачем я вам? Пожалуйста, не звоните мне больше. Прошу вас». Очень скоро он перевелся в другой город. Больше я его никогда не видела. И фамилия его украинская почти стерлась из моей памяти.

* * *

...Обстановка в городе была крайне напряженная. Под Вольском был уничтожен целый десант немецких диверсантов, опустившихся на парашютах. В Саратове творила свои черные дела банда под названием «Черная кошка». Главарь этой банды был задержан, но ему удалось бежать.

У меня была очень хорошая подружка Лизочка Евсюкова. Она — офицер, работала секретарем отдела ББ (борьба с бандитизмом). Я часто заходила к ним в отдел. В управлении я была самая молодая, и вся их опергруппа очень тепло ко мне относилась: и начальник отдела, и его заместитель — подполковник Салихов. И вдруг — такая весть: Салихов убит! Он ехал по городу в машине и среди прохожих узнал сбежавшего преступника. Бандит был схвачен и посажен в машину на заднее сидение. Он оказался вооруженным и выстрелил Салихову прямо в затылок. Такая оплошность стоила подполковнику жизни. Хоронило его все управление, если не сказать, весь город.

Солидный начальник отдела ББ, сорокалетний обаятельный, полноватый Андрей Дмитриевич мне нравился. Молоденьким девушкам всегда нравятся мужчины старше возрастом. Он всегда был приветлив со мной, как-то очень нежно, по-отечески ко мне относился. Когда я приходила к ним в отдел, он, услышав мой голос, выходил из кабинета и говорил всем: «Вот и Нинусь к нам пришла». Разговаривали, шутили, свою симпатию ко мне он и не скрывал. Никаких встреч, поцелуев не было и в помине. Он был очень порядочным человеком, женат, ничего дурного в отношении меня себе не позволял. Вскоре его переводят на работу в Москву. Он едет туда, пока один, и почему-то очень просил меня прийти на вокзал, проводить его. Я не помню: или я опоздала, или вообще не пришла, или просто

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Часть 1	7
Часть 2	123

Подписано в печать 26.04.2010. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 29809.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

ISBN 978-5-93956-015-3

9 785939 560153

